

пунктах более или менее заметные сдвиги в своем значении. В связи с этим диалектолог, ставящий вопрос только об одном определенном предмете и не «прощупывающий» соседние близкие реалии, всегда рискует потерять из своего поля зрения многие диалектные формы.

Этого рода промахи обнаруживаются, по нашему мнению, при анализе некоторых карт «Атласа». Так, например, карта 10 дает для обозначения понятия «песчаный» на территории Румынии два взаимоисключающих термина: *arinós* и *nísipos*. Аналогичная картина обнаруживается и при анализе карты 17 (*nășîp*, *arină*, *anină* «песок»), опубликованной в книге С. Пушкарю «Румынский язык»¹, согласно которой использование в одних пунктах термина *nășîp* исключает употребление в них слова *arină* (*anină*) и наоборот. Между тем исследование молдавских говоров на территории Молд. ССР и Украины показывает, что эти слова не взаимоисключают друг друга, а, наоборот, часто сосуществуют в одном и том же пункте, обозначая разнородности указанной реалии. Ср., например: *an'ины* «песок вообще»: *насып* «речной песок», «насыпанная земля», «насыпь» (левобережные районы Молд. ССР); *нăсыл* «песок вообще»: *an'ины* «мелкий песок из лимана» (с. Камышовка и Покровка Ноуэ Суворовск. р-на Одесск. обл.); *насып* «мелкий песок из лимана»: *an'ины* «песок вообще» (с. Чамашур того же района) и др.²

Сходным образом вызывает сомнение полная взаимоисключаемость и синонимичность терминов *roib*, *turg*, *șarg*, *roșu* [см. карту 275 — (*cal*) *roib* — «рыжая (лошадь)», поскольку эти термины в литературном языке, да и в известных нам народных говорах вовсе не равнозначны: *roib* — «рыжий», *turg* — «караковый», *șarg* — «буланый». Ср. также в этом плане карту 276 — (*cal*) *săr* — «серая (лошадь)»].

Карта 89 регистрирует не только названия реалии «треер» (*trior*, *țulindru*), но также и другое понятие — «веляк» (*vințurătoare*), причем соотношение между этими реалиями и терминами остается неясным. То же самое можно сказать и о карте 286, где совмещены, очевидно, разные реалии. См. термины *căpăstru*, *ștreang*, *dîrlög*, *frîu*.

В связи с вышесказанным можно пожелать, чтобы составители «Атласа» при выпуске следующих томов в какой-то степени уточняли в поле материал, собранный 25—30 лет назад, учитывая при этом достижения лингвистической географии за последние десятилетия. В заключение отметим, что указанные недостатки не умаляют научной ценности новой серии «Румынского лингвистического атласа»: она является значительным достижением румын-

ского языкознания последних лет и свидетельствует о большой плодотворной работе, проделанной румынскими лингвистами в области изучения народных говоров.

И. П. Черный

H. Glinz. Der deutsche Satz. Wortarten und Satzglieder wissenschaftlich gefaßt und dichterisch gedeutet. — Düsseldorf, 1957. 208 стр.

Рецензируемая книга — вторая работа Ганса Глинца, ставящая целью радикальную перестройку системы немецкой грамматики. Первая работа, более фундаментальная, охватывающая как морфологию, так и синтаксис, вышла в свет в 1952 г.³ Еще до того Г. Глинц написал исторический очерк развития учения о членах предложения в немецком языкознании⁴.

Среди других немецких грамматистов, стремящихся в наши годы к полному преобразованию грамматической теории немецкого языка, Г. Глинц излагает свои взгляды в наиболее систематической форме. Концепция Г. Глинца пользуется значительным влиянием среди зарубежных лингвистов. Так, крупнейший французский германист Ж. Фурке⁵ выделяет работу Глинца (и книгу П. Дидерихсена о строе датского языка⁶) среди структуральных грамматик германских языков и фактически солидаризируется с нею. Делаются попытки внедрить систему Глинца, во всяком случае некоторые ее положения, в школьное преподавание немецкого языка в ФРГ. В связи с этим критическое рассмотрение концепции Глинца приобретает большую важность.

Несмотря на наличие некоторых расхождений между книгами Глинца, мы остановимся здесь лишь на его последней работе, потому что она представляется более зрелой и интересной и потому что обсуждение даже одной только синтаксической проблематики в трактовке Глинца вызовет множество вопросов и займет много места.

Исходный пункт Глинца — полное отрицание традиционной школьной грамматики (во всяком случае в применении к синтаксису). По мнению Глинца, эта грамматика навязана немецкому языку извне — частично потому, что ее источником была античная грамматика, рассчитанная на языки совсем другого строя (стр. 119), но главным образом потому, что она исходит не из

³ H. Glinz, Die innere Form des Deutschen. Eine neue deutsche Grammatik, Bern, 1952.

⁴ H. Glinz, Geschichte und Kritik der Lehre von den Satzgliedern in der deutschen Grammatik, Bern, 1947.

⁵ Ж. Фурке, Синхроническая точка зрения при изучении германских языков и диалектов, ВЯ, 1958, № 4, стр. 101.

⁶ P. Diderichsen, Elementær dansk grammatik, København, 1946.

⁷ «Deutscher Sprachspiegel», Hf. I, Düsseldorf, 1956.

¹ S. Pușcariu, Limba română, I, București, 1940, стр. 212.

² Подробнее см.: Р. Г. Пригровский, Некоторые теоретические вопросы молдавского лингвистического атласа, сб. «Magiul lui Iorgu Iordan cu prilejul împlinirii a 70 de ani», București, 1958, стр. 685.

языковой формы, а из априорных логических соображений (стр. 49—52). В своей критике традиционных членов предложения (подлежащего, сказуемого и т. д.) Глинц выдвигает четыре момента: 1) несотнесенность этих членов предложения с предложением как звуковой структурой и 2) с предложением как общей духовной формой, которая образуется волей говорящего к выражению и воплощается в звуковой структуре; 3) несоответствие с категориями и формами слов в немецком языке и наличие внутренних противоречий; 4) неверные духовные предпосылки, на основе которых были выработаны основные синтаксические понятия (стр. 54—55). Сам Глинц стремится строить понятия своей системы «на основаниях и методах, которые надежны с математически-экспериментальной точки зрения, но вместе с тем приношены именно к современному немецкому языку и принципиально исходят из поэтического произведения и снова ведут к нему» (стр. 7).

В соответствии с этой установкой, методология и методика Глинца является своеобразным сочетанием структуралистских и неидеалистических или негумбольдтианских черт (ощущается влияние Фосслера, в большей мере Вейсгербера). Как и структуралисты, он исходит из непосредственно данных «текстов», действует методами замены и подстановки (*Umsatzproben, Umformungen*). Но он выбирает в качестве исходного текста сложные поэтические произведения (стихи Гельдерлина), в то время как, например, Ч. Фриз базировался на записях телефонных разговоров¹, и выдвигает на передний план не задачи общения, а «давление всего содержания, стремящегося к воплощению» (стр. 24), т. е. эмоционально окрашенные образы. Глинц разделяет и точку зрения Вейсгербера на то, что язык относится к особому «духовному промежуточному миру», стоящему между реальным миром и человеческим сознанием, подчеркивая, правда, своеобразные архаические и кажущиеся нам «примитивными» черты этого мира (стр. 79).

Огромное внимание в системе Глинца уделяется звуковым средствам языка. Но и они толкуются не столько в структуралистском плане как способы объединения или разведения значащих компонентов языка, сколько в плане звуковой структуры, которая «в своем ритмико-мелодическом движении» оказывается призванной дать «непосредственное, музыкальное выражение всему тому содержанию, которое вытекает перед говорящим» (стр. 25).

Ритмико-интонационная структура кажется для Глинца одной из трех органически связанных, даже сливающихся сторон (аспектов), которыми обладает предложение, и притом стороной внешней. Другой — также общеобязательной — стороной предложения является «общий внутренний

образ», многоступенчато складывающийся из отдельных значений слов. Наконец, третьей стороной предложения, — с точки зрения Глинца представляющей, возможно, не во всех языках, — оказывается запечатленность в определенной, формально закрепленной «духовной структуре», т. е. в грамматических формах слова (стр. 27—28). Этот последний аспект и составляет собственно грамматическую сторону предложения; установление «запечатленности» определенных «духовных значений» в определенных формах слова, и является «задачей „грамматики“ в более узком смысле слова, а особенно учения о предложении» (стр. 27). Именно этой стороне посвящена в первую очередь и рассматриваемая книга.

Естественным результатом такого подхода к языку является тот факт, что грамматическая форма слова, его морфологическая структура оказывается едва ли не важнейшим моментом и критерием в синтаксических построениях Глинца. Он касается и обобщенного значения грамматических разрядов и форм слова (например, обобщенного значения падежей: стр. 112—114), их синтаксических функций и вообще их сочетаемости (например, при подразделении «позиционных указаний», т. е. неизменяемых служебных слов, *Lagewörter*: стр. 134 и сл.), и роли порядка слов для дифференциации смыслового содержания предложения и его грамматических функций (стр. 38—39 и др.), но решающая роль при определении грамматических явлений как таковых остается все же за морфологической структурой слова. К ней-то и сводится в основном понятие грамматической формы у Глинца; и отделение грамматических или вообще языковых явлений от чисто смысловых, логических категорий, которое Глинц выдвигает как один из общих принципов своего анализа (стр. 74), решается, как правило, с точки зрения наличия или отсутствия специальных морфологических форм слова. Например, Глинц отрицает различие обстоятельства и предикатива в тех случаях, когда они выражены омонимической формой кратко прилагательного — наречия: *Der Tag ist herrlich — Der Gesang klingt herrlich*. В обоих случаях *herrlich* является для Глинца «указанием характера рода» или «чистым прилагательным, относящимся ко всему предложению» (стр. 116 и сл.). Все построение книги в значительной мере подчинено этой ведущей роли морфологической формы слова.

Правда, функции морфологических форм рассматриваются, как правило, на примерах целых предложений и постоянно устанавливаются те особенности структуры предложения, которые создаются при использовании этих морфологических форм. В VII, X и XI главах намечающиеся таким образом типы предложений становятся даже прямым и главным объектом анализа, причем рассматриваемые здесь формы систематически характеризуются также с точки зрения их поэтического (художественного) значения.

¹ Ch. C. Fries, *The structure of English. An introduction to the construction of English sentences*, New York, 1952.

При характеристике типов предложения выдвигается понятие «основных картин мысли» (*geistige Grundbilder*), образующихся различными формальными категориями слов (например: картина процесса или бытия, отнесенная к какому-либо носителю — *Du kommst*, картина действия — *Du rettetest mich* и т. д.). Отмечается также, что на основе этих образов, путем их связывания друг с другом, создается большое количество «грамматических планов предложения» (стр. 163—164)¹. Но исходным пунктом и решающим моментом в трактовке структуры предложения являются все же морфологические формы слова.

Такой подход к предложению приводит Глинца к умалению роли членов предложения как особого грамматического понятия. Некоторые члены предложения вообще отпадают, а их названия заменяются названием части речи. Так, Глинц считает излишним и чисто логическим понятие сказуемого. Он удовлетворяется понятием изменяемой и неизменяемой форм глагола и «добавления к глаголу» (*Verbzusatz*), т. е. отделяемой первой части сложного глагола, которые занимают определенные фиксированные места в предложении, образуя во внешнем отношении «ось и рамку для всех остальных членов и тем самым для всего предложения», а с точки зрения содержания предложения «определяя всю его общую мыслительную форму» (*geistige Gesamtform*) (стр. 62). Глинц отказывается и от категорий дополнения и обстоятельства, заменяя их категориями: 1) «величины» (*Größen*), охватывающие все функции склоняемых частей речи и подразделяющиеся на именительный обращения (*Angufgröße*), подлежащий именительный (*Grundgröße*), предикативный именительный (*Prädikatsnominativ*) и т. д.; 2) «несклоняемые члены предложения» (*Angaben*) (стр. 74 и сл.). Именно в такой ориентации синтаксических категорий на морфологическую форму слова Глинц видит залог того, что его система будет носить не абстрактный, общелогический характер, а будет соответствовать реальным формам немецкого языка в их своеобразии. В частности, он особенно подчеркивает своеобразное совпадение в немецком языке форм наречия и предикативного прилагательного, специфические закономерности местоположения глагола в немецком языке и т. д.

¹ Далее в последних главах снова ставится вопрос о ритмико-интонационной структуре предложения, которая трактуется как соответствующая его грамматическому членению, а также о процессе создания предложения у говорящего, причем здесь, в отличие от первых глав, утверждается, что с самого начала в процессе формирования предложения, наряду с отдельными образам (словами) и общей звуковой структурой, присутствуют некие общие основные «планы мысли», которые соотношены с соответствующими звуковыми структурами и объединяют отдельные образы в цельную картину (стр. 178).

Такова в общих чертах концепция строя немецкого предложения, развиваемая Глинцем, а также его общесинтаксическая теория. Нетрудно заметить, что в ней, помимо отмеченных связей со структурализмом и неогумбольдтианством, имеется много общего с различными грамматическими направлениями, стремившимися с конца XIX в. к более четкой и основанной на чисто лингвистических данных синтаксической системе, — например, в русской грамматике с концепциями Ф. Ф. Fortunatova и особенно М. Н. Петерсона. Нетрудно заметить также, что, стремясь последовательно исходить из своих общеметодологических и методических предисылок, Глинц приходит к некоторым выводам и выдвигает некоторые категории, к которым, исходя из совершенно иных позиций, пришли за последние десятилетия и многие другие лингвисты. Это касается в первую очередь его «основных картин мысли» и «грамматических планов предложения», которые, начиная со Сведелиуса (1897 г.), в общем виде неоднократно выдвигались рядом языковедов (В. А. Богородицким, Э. Сепиром, К. Бюлером, Ч. Фризом) применительно к отдельным языкам, а в применении специально к немецкому языку автором этих строк². Таким образом, книга Глинца включается в общий поток развития синтаксической мысли в XX в., представляя собой один из ее многочисленных нюансов и подкрепляя некоторые намечающиеся в ней положения. Все это свидетельствует о закономерности появления книги Глинца.

Но, к сожалению, в книге Г. Глинца присутствует и один недостаток, свойственный большому числу работ, которые ставят себе целью перестройку синтаксиса, а именно: односторонность, стремление объяснить языковые факты, исходя лишь из одного какого-то принципа, что резко противоречит сложной, многоаспектной природе языковых явлений и, кстати, практически никогда не может быть до конца осуществлено.

Наличие в книге Глинца такой односторонности и то обстоятельство, что он противопоставляет ее всем существующим грамматическим концепциям как некий новый этап в развитии синтаксической теории, «новый путь», заставляет нас сделать несколько односторонней и эту рецензию. Вместо того чтобы останавливаться на отдельных наблюдениях и замечаниях Глинца, часть которых интересна и удачна, мы должны заняться его центральными теоретическими положениями и основной методикой его работы. Только так можно будет проверить правильность общих деклараций автора.

² Ср. В. Г. А д м о п и, Развитие синтаксической теории на Западе в XX в. и структурализм, ВЯ, 1956, № 6, стр. 52; е г о ж е, Структура предложения, сб. «Вопросы немецкой грамматики в историческом освещении», М.—Л., 1935, стр. 10—20.

При этом окажется, что концепция Глинца во многом обедняет столь решительно отвергнутую им «традиционную грамматику» и что даже ценою этого ему не удастся добиться полной последовательности.

Прежде всего отметим, что Глинец называется не в состоянии до конца ориентироваться на морфологическую форму слова. Там, где совершенно явственно проявляется синтаксическая омонимия морфологических форм (например, именительного падежа), Глинец говорит о различном функциональном использовании форм и вводит понятия «Angrufgröße», «Grundgröße» и т. д. Но такая уступка совершенно недостаточна для того, чтобы раскрыть истинное соотношение между членами предложения. Наряду с грамматической омонимией существует и грамматическая синонимия. Одно и то же отношение или явление объективной действительности в одной и той же синтаксической группе (например, в группе глагола) может быть выражено часто различными средствами. Так, при возвратной форме *sich erinnern*, употребляемой для обозначения предмета, на который направлен данный процесс во внутренней жизни человека, может стоять как родительный падеж, так и предложная группа: *Ich erinnere mich ihrer* — *Ich erinnere mich an sie*. Эта смысловая близость двух разных морфологических форм в плане выражения одного и того же отношения реальной действительности является объективным языковым фактом и создает, между прочим, огромные дополнительные возможности для языка в плане стилистической выразительности. Казалось бы, что в синтаксической теории этот факт должен быть как-то отражен — и в традиционном обозначении обеих этих форм «дополнениями» такое отражение (правда, обычно осложненное понятием «необходимой» или «свободной» связи второстепенного члена с глаголом) действительно имело место. Но с точки зрения системы Глинца реальная связь этих форм оказывается полностью нарушенной. С другой стороны, отрицая категорию обстоятельство и вводя в качестве особого члена предложения «предложный падеж», Глинец заставляет фактически рассматривать в одной плоскости такие образования, как *an sie* в вышеуказанном примере и *an der Tafel* в предложении *Ich stehe an der Tafel*, хотя в последнем случае предложная группа в смысловом и синтаксическом отношении параллельна не какому-либо беспредложному падежу, а местоименным паречиям типа *dort*.

Но не только смысловая сторона, момент обобщенного грамматического значения, оказывается, таким образом, существенным для дифференциации членов предложения. Чрезвычайно важными являются также такие формальные с синтаксической точки зрения моменты, как вхождение морфологической формы в ту или иную синтаксическую группу и наличие у нее тех или иных видов сочетаемости.

Как мы уже отмечали, Глинец всячески подчеркивает свое стремление показать своеобразие строя немецкого языка. Но

как раз одной из существеннейших закономерностей немецкого синтаксического строя является возрастающее расхождение между группой глагола и группой существительного¹. Поэтому в немецком языке даже для тех морфологических форм, которые могут в неизменном виде входить как в ту, так и в другую группу (например, для предложных сочетаний с локальным значением), вовлечение в эти группы означает или большую закрепленность (в группе существительного) или большую свободу (в группе глагола), возможность многосторонней синтаксической соотнесенности (в группе глагола — соотнесенность с глаголом и подлежащим, например, *Die Stadt lag am Meer*) или прикрепления к одному какому-либо члену предложения (в группе существительного: *Die Stadt am Meer*) и т. д.

Что касается сочетаемости морфологических разрядов и форм слов и их способности организовывать завершенные конструкции, то и они не могут быть оставлены в стороне при характеристике членов предложения. Вопреки мнению Глинца, в немецком языке действительно имеются особые связочные глаголы (в первую очередь глагол *sein*) именно потому, что они, в отличие от полнзначных глаголов, сами по себе (за исключением специфических случаев) не придают высказыванию завершенности, так что, кроме подлежащего и глагола, необходимыми членами предложения становятся, например, и такие его компоненты, как прилагательное (*Die Stadt ist groß*), приглагольный именительный падеж (*Er ist Arbeiter*) и т. д. Именно необходимость этих компонентов для завершенности предложения и их функциональная (а отнюдь не логическая) близость к полнзначным глаголам делает необходимым, опять-таки вопреки мнению Глинца, выделить особый член предложения, сказуемое или предикат, как это и было уже давным-давно сделано грамматистами.

С точки зрения формального фактора завершенности синтаксической конструкции совершенно закономерным оказывается и понятие «пераспрошенного предложения», т. е. предложения, состоящего лишь из необходимых членов, хотя Глинец и считает его «неудачным школьным понятием» (стр. 173).

Таким образом, однолинейное, суженное понимание синтаксической формы делает во многих отношениях полемику Глинца против традиционной грамматики несправедливой как раз в плане конкретно-грамматического, формального анализа языковых явлений. Конечно, более широкое понимание синтаксической формы в традиционной грамматике, как и многие другие положения традиционной грамматики, складывалось в значительной мере стихийно и нуждается в существенных коррективах

¹ Ср. В. Г. А д м о н и, Структура группы существительного в немецком языке. «Уч. зап. [I ЛГШИИЯ]», Новая серия, вып. I, 1954.

и уточнениях. Так, если исходить из формальных признаков сочетаемости и завершенности конструкции, то нераспространенными будут и те предложения, в которых имеются дополнения или обстоятельство, необходимые для смысловой и для структурной полноты предложения в силу предикативной недостаточности глагола и являющиеся поэтому частями «расширенного сказуемого». Но здесь нужно именно не полное отбрасывание и перечеркивание традиционной грамматики, а ее углубление и дальнейшее развертывание.

Впрочем само понятие традиционной грамматики, так часто фигурирующее у Глинца и у многих других реформаторов грамматики, отнюдь не так едино и просто, как это может показаться на первый взгляд. Прежде всего нельзя согласиться с Глинцем, когда он говорит, что научная грамматика немецкого языка чуждалась тех понятий членов предложения, которые с первой половины XIX в. утверждаются в школьной грамматике. Укажу, например, на Г. Пауля, который, правда, строит в своей «Deutsche Grammatik» изложение синтаксиса по частям речи, но широко учитывает в своем анализе и традиционные члены предложения (например, речь идет об «отношении именного сказуемого к подлежащему»¹, об объектом и предикативном винительном², о понятии предикативного определения и т. д.). Таким образом, грамматические системы, применяющиеся в научной грамматике, отнюдь не сводятся к концепции К. Ф. Беккера, но вместе с тем все же в какой-то мере оказываются причастными к тому, что Глинец называет традиционной грамматикой, так что по сути дела эта грамматика оказывается чем-то изменяющимся и многообразным, и решительное размежевание с ней требует учета значительно более обширного материала, чем тот, который привлекается Глинцем.

Односторонность Глинца приводит его к неизбежным противоречиям. Так, он отрицает предикат как грамматическую категорию, но принужден все же ввести понятие «предикативного именительного» (стр. 84).

Однолинейность грамматической системы Глинца сказывается в том, что, например, такие разновидности предложения, как побудительное и вопросительное, не находят в ней определенного места и вообще почти не затрагиваются в книге. Здесь отсутствует даже перечисление всех тех планов, в которых в своем реальном существовании выступает предложение, оформляясь в ряде противопоставленных друг другу различных типов. То, что у Глинца именуется аспектами предложения (стр. 28), является на самом деле в первую очередь теми средствами, которые используются для оформления предложения (звуковые средства, морфологическая структура слова, законы связи этих структур, общие фор-

мальные структуры, объединяющие формы отдельных слов). С другой стороны, Глинец в своей трактовке грамматических явлений оказывается чрезмерно широким. Грамматические моменты оказываются у него до крайности сближенными со стилистическими. Однако, основываясь на анализе поэтической манеры лишь одного и притом весьма своеобразного поэта — Гельдерлина, Глинец приходит к выводам, быть может и интересным, но в лучшем случае действительным лишь для стиля Гельдерлина. За отсутствием места мы не можем рассмотреть здесь эту сторону книги. Но нам кажется важным в общем виде отметить, что в художественно-стилистических системах, созданных различными направлениями в немецкой литературе, стилистическое использование почти всех языковых элементов может быть крайне многообразным.

Все наши критические замечания, однако, не означают, что книга Г. Глинца вообще не представляет никакой ценности. Но она никоим образом не является тем «новым путем» в синтаксической теории, который склонен в ней видеть сам автор. Более того, построения Глинца, при всей их подчеркнутой систематичности, во многом обводят реальные факты немецкого языкового строя, а порой и вступают с ними в прямое противоречие.

В. Г. Адмони

K. H. Schönfelder. Probleme der Völker- und Sprachmischung. — Halle (Saale), 1956. 80 стр.

Рецензируемая книга является попыткой синтетического описания вопросов, связанных с языковым смещением и теорией субстрата. Она возникла, как свидетельствует примечание автора, из введения к его диссертации «Немецкие заимствования в английском языке Америки» (Университет им. Карла Маркса в Лейпциге). Таким образом, теоретические положения книги вытекают не только из тщательного изучения и обобщения предшествующей литературы по вопросу, но и из исследовательской практики автора, что само по себе чрезвычайно ценно. Появление такого рода обобщающей работы следует признать своевременным, тем более что автор, придавая немалое значение явлениям языкового смещения, далек от односторонних увлечений поборников скрещивания как первопричины возникновения языков (от Г. Шухардта до Н. Я. Марра).

Книга подразделяется на три раздела: 1) разграничение и определение понятий; 2) краткий исторический обзор предшествующей литературы по проблеме смещения и смены языков; 3) критика существующих теорий в связи с вопросами методики.

В первом разделе Шенфельдер считает необходимым разграничить и определить главным образом термины «языковое смещение» (Sprachmischung), «смешанный язык» (Mischsprache) и «заимствование» (Entlehnung). Основная трудность в опре-

¹ H. Paul, Deutsche Grammatik, Bd. III, Halle (Saale), 1954, стр. 43.

² Там же, стр. 225 и сл.